

УДК 81'271.16

DOI: 10.17223/19986645/60/4

Л.Ю. Мирзоева, З.К. Ахметжанова

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРФЕРЕНТНЫХ ОШИБКАХ КАК ЭЛЕМЕНТЕ ЯЗЫКОВОГО ЛАНДШАФТА В УСЛОВИЯХ СУБОРДИНАТИВНОГО ПОЛИЯЗЫЧИЯ

Обсуждается необходимость выявления и предотвращения ошибок интерферентного характера в процессе изучения билингвизма и полилингвизма в полиэтнической среде. Анализируется речевое поведение билингвов / полилингвов в конкретных ситуациях общения; на материале текстов общим объемом 31 057 слов выявлено 1 200 случаев типичных интерферентных ошибок. В результате анкетирования двух групп респондентов (с доминирующим казахским / русским языком) путем рефлексии определяется отношение к данным ошибкам, допускаемым в процессе коммуникации.

Ключевые слова: субординативный билингвизм, интерферентные ошибки, полилингвизм, казахско-русский / русско-казахский билингвизм, ошибки в произношении, ошибки в употреблении слов / сочетаемости слов, ошибки в использовании грамматических категорий, ошибки в построении предложений.

Билингвизм и полилингвизм – явления, характерные для Казахстана последние 80–100 лет, и обусловлены они полиэтничностью населения республики. Эти явления представлены регионально: север и восток Казахстана характеризуются казахско-русским билингвизмом, на западе и юге республики часто встречается полилингвизм, компонентами которого помимо казахского и русского языков выступают языки либо соседних этносов (узбекский, киргизский), либо других этнических диаспор, компактно проживающих на юге и западе Казахстана (турецкий, азербайджанский). Как указывает Б. Исмакова, «концепция языковой политики Республики Казахстан определяет русский язык как источник информации в разных областях науки и техники, как средство коммуникации с ближним и дальним зарубежьем. В условиях глобализации, биполярности современного мира усиливается роль русского языка, коммуникативный рейтинг которого определен его статусом одного из мировых языков. В этой связи перед казахстанской системой образования актуализируется задача подготовки двуязычных личностей, способных обеспечить конкурентоспособность национальной экономики» [1. С. 67].

Мы исходим из того, что билингвизм – это владение наряду со своим родным языком языком другого этноса в пределах, обеспечивающих общение с представителями данного этноса в жизненно важных сферах коммуникации. Согласно общетеоретическому положению, выдвинутому Н.Б. Мечковской, которое гласит, что «в ситуации этнического двуязычия использование в одном социуме двух языков связано с соседством и кон-

тактом двух народов, говорящих на этих языках» [2. С. 21], традиционно существовавший в Казахстане билингвизм относится к типу этнического двуязычия: билингвизм предполагает употребление разных языков в отличие от диглоссии, под которой понимается употребление различных подсистем одного и того же языка.

В связи с реформированием системы школьного и высшего образования принципиальным нововедением считается формирование трехязычного образовательного пространства и самого явления – полилингвизма, поэтому необходимо хотя бы эскизно охарактеризовать существующие в Казахстане типы билингвизма и полилингвизма.

Исходя из психологического аспекта взаимодействия двух языковых систем в сознании и языковой компетенции билингва, традиционно различаются координативный (чистый) и субординативный типы билингвизма; данные типы билингвизма были рассмотрены Л.В. Щербой с позиций соотносительности двух речевых механизмов [3]. При «координативном», или «чистом», билингвизме билингв пользуется каждым из языков, не смешивая их, т.е. в его сознании два кода сосуществуют и не взаимосвязаны, существуя в качестве одной системы ассоциаций. В этой связи при восприятии и порождении речи на каком-либо из двух языков не возникает интерферентных ошибок. Координативный билингвизм предполагает владение разными языками в равной мере свободно, так как каждому денотату соответствует свой сигнификат.

«Субординативным» является двуязычие, при котором в сознании билингва происходит переключение с одного языка на другой; две языковые системы билингва существуют в качестве двух отдельных кодов, которые смешиваются и порождают интерферентные ошибки при декодировании, причем ошибки носят в основном односторонний характер, т.е. наблюдается влияние Я1 на Я2. Иными словами, у носителя двух языков формируется общая картина мира, где одному элементу содержания соответствуют два элемента плана выражения. При субординативном билингвизме субъект владеет одним языком лучше, чем другим, т.е. наблюдается некая «субординация» между двумя языками.

Своеобразие современной языковой ситуации в Республике Казахстан предполагает также необходимость обращения к понятию «доминирующий язык» как одному из ключевых социолингвистических концептов, используемых нами в ходе исследования. В работе мы опирались на дефиницию, представленную в «Словаре социолингвистических терминов» под ред. В.Ю. Михальченко, согласно которому доминирующим является «язык, используемый с максимальной функциональной нагрузкой в большинстве сфер общения по сравнению с другими языками, входящими в данную социально-коммуникативную систему в территориальном или государственном образовании. Доминирующим, как правило, становится наиболее функционально развитый язык, обладающий наибольшей социально-демографической базой. Преимущественно используется в социально значимых сферах (профессиональная деятельность, образование, обще-

ственная деятельность и др.). Доминирующий язык чаще всего оказывается языком межнационального общения [4. С. 66]. В свою очередь, в изданном в Казахстане «Словаре социолингвистических терминов» Э.Д. Сулейменовой, Н.Ж. Шаймерденовой и Ж.С. Смагуловой дается следующее определение понятия «доминирующий язык»: «(от латинского *dominans dominantis* – господствующий, каз. *басымды тіл*, англ. *primary language, dominant language*) иногда – первичный язык; один из языков при двуязычии, степень знания и использования которого превышает степень знания и использования другого языка. Доминирующий язык может совпадать или не совпадать с родным языком, первым языком, вторым языком (курсив наш. – Л.М., З.А.). Доминирующий язык – подвижная категория, может меняться в течение жизни билингва» [5. С. 21]. Таким образом, необходимо подчеркнуть, что понятия «родной язык» и «доминирующий язык» совпадают далеко не всегда.

Как указывает У. Вайнрайх, «психологическое доминирование одного языка над другим может быть установлено с помощью тестов разной степени сложности. Можно, например, задаться вопросом, какой из двух языков оказывается более удобным средством для передачи распоряжений, которые должны быть быстро и точно выполнены. Возможна даже такая постановка вопроса: на каком языке двуязычный носитель «думает»; для этого надо проверить, на каком языке он охотнее выдает ассоциации на стимулы, предъявляемые ему вразбивку на обоих языках. С другой стороны, можно держаться того мнения, что «доминирование» языка представляет собой сложную комбинацию факторов примерно следующего типа. По сравнительному совершенству владения языком: доминирующим является тот язык, которым носитель на данном отрезке своей жизни лучше владеет. По способу использования: зрительные реакции настолько важны для подкрепления устного пользования языком, что для двуязычного носителя, который владеет грамотой лишь на одном из языков, этот язык и будет основным, независимо от соотношения в уровне устного владения этими языками» [6]. В данной работе, ставшей классической для типологии би- и полилингвизма, приводятся также не утратившие своей актуальности положения о выделении доминирующего языка по порядку изучения и возрасту, по роли в общении (У. Вайнрайх подчеркивает, что, хотя двуязычный носитель может одинаково хорошо владеть обоими языками, может оказаться, что ему чаще приходится прибегать к одному, а не к другому из них; при этом более частое употребление языка может при прочих равных условиях возвести его в ранг «доминирующего» языка, что зачастую имело место в ситуации казахско-русского двуязычия, равно как и следующий принцип типологизации – доминирование языка в зависимости от его роли в общественном продвижении говорящего). В цитируемой работе У. Вайнрайха также отмечается ярко выраженная необходимость преодоления потенциальной интерференции в последнем случае, что особенно важно для предпринятого нами исследования.

В Казахстане субординативный билингвизм является самым продуктивным; при этом в качестве доминирующего может выступать неродной

язык, например у этнических казахов, обучающихся в русской школе / вузе и проживающих в регионе с преобладанием русскоязычного населения. На юге и западе мы наблюдаем массовый билингвизм с доминированием казахского языка. В то же время, как указывает А.Е. Жусупов, «данные, приведенные учеными-лингвистами во главе с Э. Сулейменовой, убедительно свидетельствуют о высокой языковой компетенции и возрастании полиязычия респондентов-казахов: (а) общее свободное владение казахским языком достигает 92% на фоне 6,3% респондентов-казахов со средней и низкой казахской языковой компетенцией, здесь можно предположить, что изменения в показателях владения казахским языком связаны с перемещением респондентов в группу с низкой казахской языковой компетенцией; (б) сохраняется высокая русская языковая компетенция – 84,7% на фоне 8,6% респондентов-казахов со средней и низкой русской языковой компетенцией; в) значительно ниже показатели высокой английской языковой компетенции – 18,3% на фоне 44,6% респондентов-казахов со средней и низкой английской языковой компетенцией; г) почти в два раза различаются показатели высокой и средней vs низкой немецкой, уйгурской, узбекской и другой языковой компетенции респондентов-казахов» [7. С. 92; 8].

О проблемах, связанных с формированием языкового ландшафта в Казахстане, пишет и К.С. Ныязбекова: «В Казахстане наблюдается сложная языковая ситуация: государственный язык еще полностью не функционирует как государственный; молодежь увлечена иностранными языками и активно изучает их (особенно английский); развивается пиджин-язык, то есть смешанный русско-казахский или казахско-русский» [9. С. 1243].

По числу билингвов и по социальной значимости в обществе выделяем массовый, групповой и индивидуальный типы билингвизма.

В Казахстане ярко представлен массовый казахско-русский и национально-русский билингвизм (в целях конкретизации данного термина применительно к условиям Республики Казахстан отметим, что, по данным СМИ, в стране действуют национальные школы, в том числе с узбекским, уйгурским, таджикским, немецким и украинским языками обучения; в общеобразовательных школах факультативно и как самостоятельный предмет изучаются дунганский, турецкий, польский, курдский, азербайджанский, корейский, татарский и другие языки. Кроме того, при этнокультурных центрах работают 178 воскресных школ, в которых изучают 23 национальных языка. Издаются газеты на немецком, корейском, уйгурском, украинском языках, выходят теле- и радиопрограммы на разных языках; поэтому термин «национально-русский билингвизм» представляет собой обобщенное название для пары языков «русский / один из перечисленных национальных языков, бытующих в Республике Казахстан» [10]. В то же время вследствие языковой политики государства в последние 20–25 лет начинает формироваться субординативный билингвизм с доминантой казахского языка как государственного, усиливается тяга к изучению казахского языка как неродного. В результате мы наблюдаем переход индивидуального русско-казахского билингвизма в разряд группового русско-казахского билингвизма.

По преобладающим речевым навыкам и видам речевой деятельности билингва выделяют активный и пассивный билингвизм. В этой связи необходимо подчеркнуть, что в соответствии с современной теорией билингвизма первым языком, или Я1, считается язык, в сфере которого коммуникативная компетенция билингва выше (это может быть язык, усвоенный первым, либо язык, который более значим функционально, т.е. тот, который используется билингвом с наибольшей интенсивностью). В свою очередь, Я2 – язык, при использовании которого билингв проявляет более низкую коммуникативную компетенцию [4].

При активном билингвизме говорящий свободно владеет навыками порождения и восприятия речи на Я2 (и в письменной и в устной форме). При активном билингвизме сфера применения индивидом обоих языков довольно широка.

При пассивном билингвизме индивид понимает речь на Я2, но не говорит на нем.

Казахско-русский билингвизм, сформировавшийся в течение длительного периода развития, является активным, тогда как русско-казахский билингвизм, складывающийся на наших глазах, можно отнести на данный момент к пассивному типу билингвизма.

На материале нашего исследования становится очевидным, что английский язык в настоящее время проявляет тенденцию к вхождению в пару «казахский – русский языки» в качестве третьей составляющей, но об активном би- и полилингвизме сейчас возможно говорить лишь применительно к весьма ограниченному контингенту потенциальных респондентов.

Известный казахстанский ученый А.Е. Карпинский [11] подробно охарактеризовал естественный и искусственный типы билингвизма, в основу деления которых положен способ освоения второго языка. В целом исследователи выделяют следующие факторы, обусловившие различия между естественным и искусственным билингвизмом:

– различия в целях, т.е. при естественном билингвизме существует жизненная необходимость индивида, находящегося в иноязычном окружении, в коммуникации. При искусственном билингвизме цель овладения вторым языком не всегда связана с необходимостью обмена информацией;

– различия в способе усвоения второго языка. Естественный билингвизм характеризуется «стихийностью» и «неуправляемым характером». Вторым языком усваивается при непосредственном контакте с носителями языка. При искусственном билингвизме усвоение Я2 происходит в образовательных учреждениях без наличия языковой среды;

– различия в оценке речевой деятельности билингва. При естественном билингвизме речевая деятельность билингва направлена на обмен информацией с носителем второго языка и оценивается с точки зрения достижения взаимопонимания, поэтому наблюдается определенная терпимость к ошибкам. При искусственном билингвизме коммуникативная ценность речевой деятельности билингва зачастую отходит на второй план, а основное внимание и учащихся и преподавателей направлено на достижение грамматически правильной речи на Я2;

– различия в способах фиксации отношений фактов языка к фактам действительности. При естественном билингвизме познание языка происходит через его реальное использование, путем создания речевых произведений в соответствии с фактической спецификой коммуникативной ситуации. При искусственном билингвизме язык усваивается в результате выполнения различных упражнений и тренировок, которые подготавливают билингва к реальной коммуникации;

– расхождение в отношении язык + культура. При искусственном билингвизме язык усваивается в отрыве от культуры, которую он обслуживает. При естественном билингвизме происходит параллельное познание и языка и культуры, что значительно повышает языковую и формирует лингвокультурную компетенцию.

Достаточно подробно охарактеризованную типологию билингвизма можно использовать и по отношению к полилингвизму. В то же время в существующей в Республике Казахстан языковой ситуации необходимо сделать поправку на то, что английский язык, являющийся в данном случае третьим языком, усваивается и в случае казахско-русского, и в случае русско-казахского двуязычия искусственно, без языковой среды; следовательно, билингвизм начинает трансформироваться в полилингвизм (в данном случае речь может идти в основном о трилингвизме) лишь в ограниченном круге ситуаций (общение в сфере бизнеса, науки, политики, но не бытовое общение); более того, место английского языка достаточно четко прописано в Государственной программе развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011–2020 годы [12]. В качестве одного из целевых индикаторов отмечено: *увеличение* доли населения республики, владеющего английским языком (к 2014 г. – 10%, к 2017 г. – 15%, к 2020 г. – 20%); доли населения, владеющего тремя языками (государственным, русским и английским) (к 2014 г. – 10%, к 2017 г. – 12%, к 2020 г. – до 15%).

Таким образом, в настоящее время нельзя говорить о полном и всестороннем вхождении английского языка в языковой ландшафт Казахстана; тем не менее нами отмечен небольшой процент ошибок интерферентного характера, связанных с воздействием английского языка на речь тех, кто владеет им на достаточно высоком уровне. В ходе исследования мы анализировали ошибки, допускаемые носителями трех языков и обусловленные влиянием казахского и английского языков на русскую речь и наоборот.

Методика исследования. В нашем случае в качестве основных исследовательских инструментов выступали:

– наблюдение за речевым поведением билингвов / полилингвов в конкретных ситуациях общения (респондентами выступали 20 человек с высшим образованием, для которых родным языком (а также и доминирующим языком, согласно вышеприведенным определениям) является казахский, русским владеют на уровне B2-C1 согласно градации Европейского языкового портфеля, уровень владения английским языком варьируется в этой группе от A2 до C1; 25 человек с высшим образованием, позициони-

рующих себя как носители русского языка в качестве доминирующего (вне зависимости от национальной принадлежности), казахским языком представители данной группы владеют на уровне В1-В2, уровень английского языка аналогичен отмеченному в предыдущей группе). Доминирование того или иного языка для каждого конкретного респондента было определено путем анкетирования, где учитывались предложенные У. Вайнрайхом критерии [13]. Вопросы анкеты были нацелены на выявление (а) широты использования казахского / русского языков в разных сферах – в сфере бытового общения, официально-деловой / научной коммуникации и пр.; (б) спонтанных реакций – ответов на казахском / русском языках, что позволило, хотя и со значительной долей субъективности, определить, какой из данных языков шире используется тем или иным респондентом в ходе естественной, неподготовленной и незапланированной коммуникации. В качестве методики наблюдения нами была избрана диктофонная запись звучащей речи с последующей расшифровкой записей. В целом объем записанных текстов составлял 31 057 слов. Работа проводилась группой исследователей на базе лаборатории «Язык. Культура. Коммуникация». Необходимо также отметить специфическую целеустановку: после фиксации ошибки запись приостанавливалась.

В качестве следующих этапов нами выделены:

– выявление и классифицирование допускаемых речевых ошибок (всего нами было выявлено и проанализировано 1200 случаев речевых ошибок, процентное соотношение которых представлено ниже);

– определение характера влияния данных ошибок на процесс коммуникации (опрос и тех, кто продуцирует речь, и реципиентов) и квалификацию данных ошибок.

В цели нашей работы не входит определение интерференции, поскольку этот феномен детально и многосторонне охарактеризован в современной лингвистической литературе; однако, рассматривая явления, связанные с интерференцией, мы не можем не указать на те ключевые характеристики, которые послужили отправной точкой для нашей работы. По нашему мнению, избранной нами позиции наиболее точно соответствует традиционное определение, предложенное У. Вайнрайхом, который расценивал интерференцию как вторжение норм языковой системы в пределы другой [Там же. С. 28]; важными представляются также определения, данные В. Семчинским (интерференция расценивается им как процесс взаимодействия систем и элементов этих систем в контактирующих языках [14. С. 22], а также Ю. Жлуктенко, рассматривающего интерференцию как «изменения в структуре языка и его *семантике* (курсив наш. – Л.М., З.А.), определяемые межъязыковым взаимодействием в ситуации языкового контакта» [15. С. 34].

О специфике интерференции в случае казахско-русского двуязычия писал еще М.М. Копыленко: «Явление межъязыковой полисемии состоит в том, что отдельным значениям многозначных слов языка Я1 соответствуют разные эквиваленты в языке Я2. См., например, соответствия русскому

глаголу идти: «передвигаться посредством перемещения ног» и «отправляться» (поезд идет в 5 часов) – жүру, бару, кету; «приближаться» (весна идет) – келе жату; «течь» (вода идет по капле) – агу; «входить», «влезать» (пробка не идет в горлышко бутылки) – бару, сыю; «распространяться», «подниматься» (от этих цветов идет сильный запах) – шыгу, анку; «пролегать» (дорога идет лесом) – аралап өту; «об осадках» (идет мокрый снег) – жауу; «совершаться», «развиваться» (идут прения) – болу, жүру; «поступать куда-либо» (он идет в университет) – бару, түсу; «находить сбыт» (этот товар идет хорошо) – өту; «предназначаться», «употребляться» (на платье идет 3 метра шелка) – жұмсалы, кету; «подходить» (эта шляпа ей идет) – келісу, жарасу; «проходить» (дни идут чередом) – өту, кету; «действовать» (о механизме) (часы идут точно) – жүру... и далее – целый ряд по-разному переводящихся сочетаний, включающих глагол идти. В приведенном выше перечне значений есть и совпадения: так, не одному, а ряду значений соответствует *жүру*, также ряду значений соответствует *бару*, *келу* и под.» [16. С. 16–17] (см. также [17]).

Как выше было отмечено, субординативный билингвизм и полилингвизм сопровождаются интерферентными ошибками, возникающими как результат влияния Я1 на Я2. Доминирующим (Я1) языком может выступать родной язык либо неродной, но психологически престижный и функционально доминирующий язык. Например, у казахско-русского билингва (жителя сельской местности, обучающегося в казахской школе) доминирующим выступает этнический язык – казахский. И если нет постоянной русскоязычной практики и русскоязычной среды, то в речи казахобилингва будут представлены интерферентные ошибки разных видов.

Как показал анализ, в сфере фонетики в рамках сложившейся в Казахстане языковой ситуации одной из наиболее типичных ошибок выступает *недодифференциация*: неразличение некоторых дифференциальных признаков фонем Я2. Так, [п']ильм вместо [ф']ильм, где утрачены дифференциальные признаки «фрикативность» и «мягкость», ср.: *Назарбае[n] не читает доклады по бумаге* (пример из речи переводчика – билингва с доминирующим казахским языком).

Сюда же мы относим *субституцию* – незначительные ошибки в произношении эквивалентных фонем, не препятствующие взаимопониманию, но обременяющие так называемый акцент, например отсутствие редукации гласных.

Однако, как показал опрос, ошибки такого рода лишь незначительно затрудняют понимание звучащей речи (см. результаты анкетирования ниже).

Как пример *лексико-семантической интерференции* можно привести ошибки в употреблении многозначных глаголов. Интересно, что в ряде случаев (около 8% из выявленных нами) наблюдаются схожие ошибки, допущенные под влиянием казахского и – намного реже – под влиянием английского языка. Так, школьница, придя из школы, радостно заявляет: «Я сегодня взяла пятерку», под влиянием казахского глагола *алу*, который используется вместо русского *получить*, *брать*, *взять*. В то же время в речи преподавателей английского языка нами зафиксировано [при сдаче

экзамена IELTS] «Я не *возьму* 8,5» (речь идет о возможном балле за экзамен); «она *взяла* в этот раз 7, а раньше сдавала на 6,5» и пр. Особый интерес представляет то, что подобная конструкция встречается и в речи носителей русского языка, в том числе и тех, чья компетенция в казахском языке не позволяет считать данную ошибку результатом его влияния, в то время как высокий уровень языковой компетенции данных респондентов в английском языке дает возможность расценивать подобные конструкции как результат его влияния на Я1 (казахский / русский языки).

Большой интерес представляют случаи, когда интерференция проявляется в форме сочетаемости языковых единиц разных уровней, например корень слова Я1 сочетается со служебным аффиксом Я2. Так, нами был отмечен случай в семье автора работы: ребенок 5 лет отодвигает тарелку с манной кашей: «Я *жесть* не хочу»; окружающие не сразу осознали значение контаминированного образования. Здесь мы наблюдаем своеобразную контаминацию: корень казахского глагола *же* – (есть, кушать) соединен с русским аффиксом инфинитива – *ть*. Ребенок хотел сказать «я есть не хочу»; аналогичные случаи наблюдаются и в речи взрослых – участников эксперимента, ср.: Мына автобус *поворачиваетеды* ма? (здесь, напротив, казахский аффикс соединен с основой русского глагола).

Относительно часты случаи, когда один корень сложного слова взят из Я1, а второй корень из Я2: муж кричит жене: «Где *масабойка?*», где корень *маса* – казахское существительное со значением муха.

Наиболее частотен синтагматический вид интерферентных ошибок, когда в линейной речевой цепи сочетаются лексические единицы двух языков, ср. (при покупке билетов на поезд): *Маган нижняя полка керек, потому что сестренкам бар* / Нужна нижняя полка, потому что еще сестренка есть / поедет).

Достаточно типичны и широко исследованы ошибки в использовании категорий рода и падежа русского языка, так как первая из них в казахском языке (как и во всех тюркских языках) не представлена формально, а вторая совершенно по-иному членит действительность и отражает иные отношения между компонентами предложения. Ср.: *Я пригласил Вас поговорить по поводу одной делы (одного дела)*.

К числу очень типичных ошибок (зафиксированных не только в речи тех, кто позиционирует себя как носитель казахского языка, но и – что весьма показательно! – в речи носителей русского языка, проживающих в Республике Казахстан) относится использование структуры вопросительного предложения, характерной для казахского языка. Ср.: нормативная структура русского вопроса. *В каком университете Вы учитесь* трансформируется в *Вы в каком университете учитесь?* под влиянием структуры вопросительного предложения, присущей казахскому языку: *Сіз қай университетіңде оқисыз?*

Что касается третьего члена парадигмы – английского языка, то, по отзывам респондентов, в наибольшей степени его влияние отмечено в сфере лексики и стилистики научной речи, в ходе использования терминологии. Так, например, при написании статей на русском языке у респондентов с

уровнем английского языка В2-С1 наблюдались трудности с использованием терминологии, которая не всегда точно коррелирует в русском и английском языках (респонденты с доминирующим русским языком, которые, однако, в силу специфики научной и профессиональной деятельности используют в основном англоязычную терминологию, существенно затруднялись при переключении кода «английский / русский»; аналогичные явления отмечались и в паре «английский / казахский», ср. английское **population**, которое в научном стиле может обозначать отнюдь не *население*, а *респонденты / целевая аудитория* и под.) Ниже мы приведем случаи, когда английский язык используется и как своеобразное средство идентификации принадлежности к определенной группе, и в то же время как основа для языковой игры. Однако ввиду осознанности такого способа использования ЯЗ в процессе коммуникации сложно говорить о том, что это в чистом виде ошибки в результате интерференции.

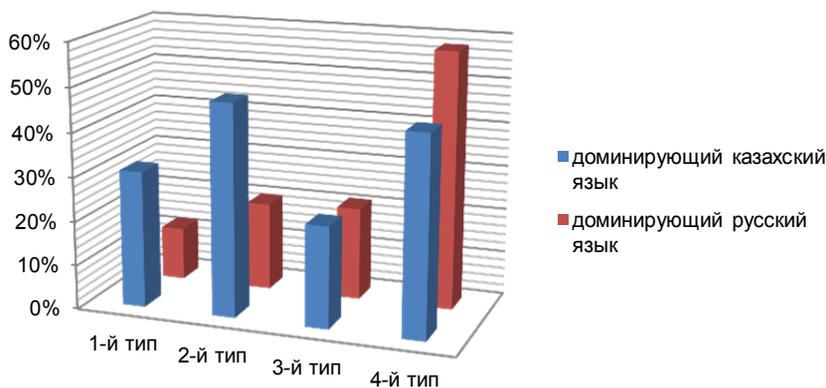

Рис. 1

Классификация материала, полученного в ходе первой стадии эксперимента – наблюдения за вышеуказанными группами, – может быть представлена на рис. 1 (обращаем внимание на то, что в одном высказывании могут быть зафиксированы несколько типов ошибок; следовательно, суммарный итог может не быть равным 100%). Первая группа – респонденты с доминирующим казахским, вторая – респонденты с доминирующим русским языком; типы ошибок (данная обобщенная классификация избрана нами ввиду разнородного характера исследуемого материала в целях генерализации полученных результатов) обозначены следующим образом:

- 1-й тип – ошибки в произношении;
- 2-й тип – ошибки в употреблении слов / сочетаемости слов;
- 3-й тип – ошибки в структуре слов, в использовании грамматических категорий;
- 4-й тип – ошибки в построении предложений.

Для респондентов с доминирующим казахским языком наиболее типичны ошибки в словоупотреблении (48% ошибок); достаточно типичны и ошибки в структуре продуцируемых на русском языке предложений (45%), ошибки в произношении (недодифференциация, субституция, неверная постановка ударения) несколько менее частотны (31%), наконец, на последнем месте в нашем случае находятся ошибки в использовании грамматических категорий (23%).

Что же касается респондентов с доминирующим русским языком, то в данном случае большинство ошибок (58%) связано именно с влиянием грамматического строя казахского языка, структуры казахского предложения (в особенности вопросительного); наименьшее число ошибок связано с фонетикой звучащей речи (12%).

Под влиянием казахского языка (так как в настоящее время мы можем с уверенностью утверждать, что языковая среда сформирована и оказывает влияние на носителей иных языков) респонденты с доминирующим русским языком могут допускать ошибки сочетаемостного характера (20%), а также некоторые ошибки контаминационного характера в структуре слов – 21% отмеченных нами ошибок (которые могут вместе с тем носить характер осознанной языковой игры, ср., например, **саган рахметик – спасибо тебе**, где в ходе языковой игры русский суффикс встраивается в структуру казахского слова; *Я сегодня **кезекишкала** весь день* (т.е. *дежурила*) – русские морфологические характеристики времени и рода сопровождают казахское существительное в процессе формирования контаминированного глагола; а также обратные примеры, ср.: *можно **взять файл?** – **Возвратпен** (с возвратом) и пр.)* Как уже указывалось выше, лексические единицы английского языка в рамках избранных нами групп респондентов также могут использоваться в процессе языковой игры, ср. инструкции по выбору учебных дисциплин для студентов: *Короче, то, что **чузкается** (choose – выбирается), то выбирайте... **Конферм** (подтверждение) не делать, если не все предметы выбрали*, где также наблюдается встраивание русских морфем в структуру английских слов; с вкраплением английских элементов в казахскую речь картина аналогична: *Мұнда **вроде изи** (easy – легко, просто) жазылган* (*Здесь вроде просто написано*). Подчеркнем, однако, что здесь имеет место скорее переключение языковых кодов, нежели интерферентные ошибки; следовательно, влияние английского языка в настоящее время (даже в условиях постепенного перехода к трехязычию!) еще не достигло такого значительного уровня, как взаимовлияние казахского и русского языков, возможно, прежде всего, в силу искусственного характера полилингвизма.

В целях определения влияния интерферентных ошибок на процесс коммуникации, а также рассмотрения отношения к ошибкам интерферентного характера в среде, наименее толерантной к такого рода отклонениям в процессе коммуникации, нами было проведено анкетирование вышеуказанных респондентов, результаты которого приводятся на рис. 2:

1. Какие ошибки, по Вашему мнению, **наиболее** сильно препятствуют пониманию звучащей речи:

- а) ошибки в произношении / неверная постановка ударения;
- б) ошибки в употреблении слов / сочетаемости слов;
- в) ошибки в структуре слов, в использовании грамматических категорий;
- г) ошибки в построении предложений.

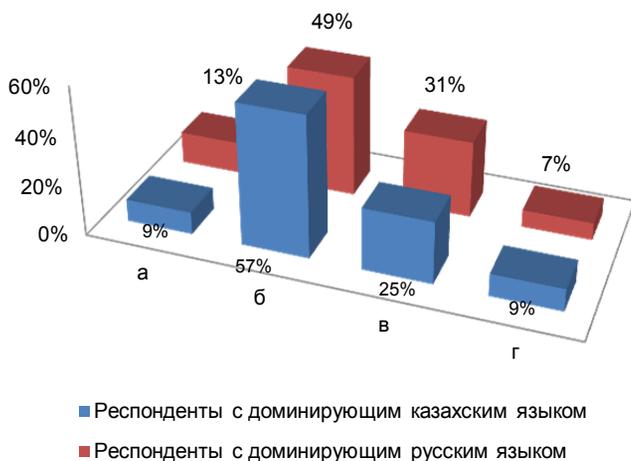

Рис. 2

Ответы реципиентов с доминирующим казахским и доминирующим русским языком различаются незначительно; существенная разница (8%) отмечается лишь в случае (б), связанном с нарушением лексической сочетаемости. В целом же отмечается значительное сходство в оценке значимости типов ошибок интерференционного характера как источника проблем в ходе коммуникации. Так, ошибки на уровне структуры слов и использования грамматических категорий также отчетливо идентифицируются как нашими респондентами с доминирующим казахским языком, так и теми, для кого главным средством коммуникации является русский язык, но представляют собой меньшую «коммуникативную угрозу», нежели нарушение сочетаемости (соответственно 25 и 31% респондентов характеризуют эти ошибки как помехи в процессе общения); ошибки фонетического характера находятся на третьем месте по степени значимости в качестве коммуникативных помех (их выделяют соответственно 9 и 13% респондентов); как наименее значимые охарактеризованы нашими респондентами ошибки в построении предложений (9 и 7% соответственно).

Второй вопрос носит верификационный характер, т.е. нацелен на подтверждение данных первого, равно как и на выявление степени толерантности к рассматриваемым нами ошибкам. Отмечены незначительные отклонения от результатов, полученных по 1-му вопросу (как и в первом

случае, респонденты характеризуют ошибки в построении предложений и ошибки, являющиеся результатом фонетической интерференции, как наименее вероятные причины коммуникативных неудач):

2. Какие ошибки, по Вашему мнению, **в наименьшей степени** препятствуют пониманию звучащей речи:

- а) ошибки в произношении/неверная постановка ударения;
- б) ошибки употреблении слов/сочетаемости слов;
- в) ошибки в структуре слов, в использовании грамматических категорий;
- г) ошибки в построении предложений.

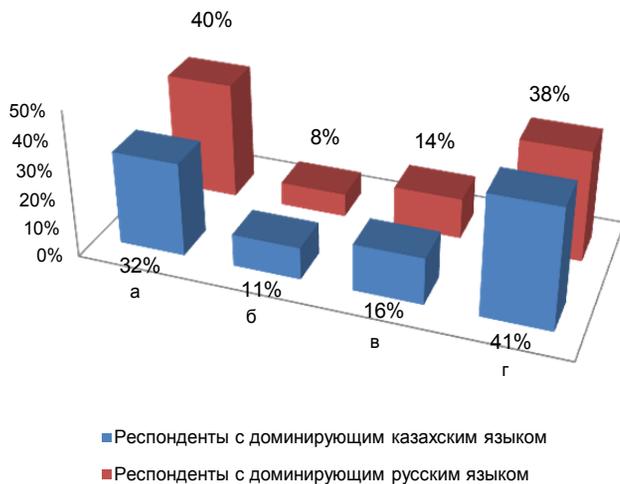

Рис. 3

Как видно из рис. 3, заметное различие наблюдается лишь в оценке ошибок, связанных с произношением и неверной постановкой ударения (если среди реципиентов с доминирующим казахским языком 32% оценили ошибку этого типа как помеху в процессе коммуникации, то среди реципиентов с доминирующим русским языком такую оценку дали 40%); в остальных случаях оценки практически совпадают (различие составляет 2–3%).

Вопросы 3–6 нацелены на выявление отношения респондентов в условиях полиязычной среды к ошибкам интерферентного характера:

3. Как, по Вашему мнению, можно расценивать ошибки в произношении / неверную постановку ударения в речи человека, владеющего двумя / тремя языками:

- а) препятствие к пониманию звучащей речи;
- б) свидетельство низкой культуры речи;
- в) результат влияния родного языка.

Рассмотрение ответов респондентов с доминирующим казахским языком демонстрирует невысокий уровень толерантности к ошибкам такого рода: 59% опрошенных оценили данные ошибки как отражение низкого

уровня речевой культуры билингва / полилингва; у преимущественно русскоязычных респондентов процент еще выше – 67% (рис. 4). В то же время и те и другие отмечают, что данный тип ошибок не представляет значительного препятствия в процессе коммуникации; кроме того, рефлексия над языком дает возможность достаточно четкого осознания влияния родного языка в процессе допущения ошибок данного типа (29 и 15% соответственно).

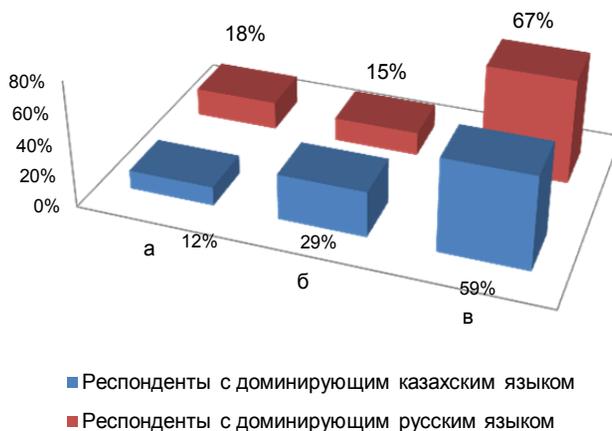

Рис. 4

4. Как, по Вашему мнению, можно расценивать ошибки в употреблении слов / сочетаемости слов в речи человека, владеющего двумя / тремя языками:

- препятствие к пониманию звучащей речи;
- свидетельство низкой культуры речи;
- результат влияния родного языка.

Как видно из обобщенной картины (рис. 5), реципиенты констатируют, что ошибки такого рода прежде всего следует расценивать как результат влияния Я1 (68% респондентов с доминирующим русским языком и 40% – с доминирующим казахским); различия в восприятии этого типа ошибок данными группами респондентов отмечены по варианту «препятствие к пониманию» и, следовательно, к коммуникации: высок процент таких ответов в группе с доминирующим казахским языком (45%) и сравнительно низок в группе с русским языком как доминантным (13%). По нашему мнению, это (как ни парадоксально) связано с более высоким уровнем владения русским языком реципиентами, которые позиционируют себя как носители казахского языка (в сравнении с уровнем освоения казахского языка, который демонстрируют преимущественно русскоязычные билингвы / полилингвы). Высокий уровень владения русским языком позволяет замечать препятствия на уровне межкультурной коммуникации, на уровне

более тонких семантических и прагматических связей, тогда как реципиенты из второй группы в ходе рефлексии не осознают этих препятствий. Ср., например, комический случай в очереди: женщина просит пропустить мужчину, мотивируя это так: *бұл менің жолдасым (это мой муж; но слово **жолдас** имеет также значение **товарищ**)*, в то время как преимущественно русскоязычная участница акта коммуникации возмущенно реагирует: *Ну, еще будем **товарищ**ей приводить!* Отметим, что сравнительно невысок процент оценки данного явления как отражения низкой культуры речи (соответственно 15 и 19%), что может рассматриваться как результат толерантного отношения к ошибкам такого рода.

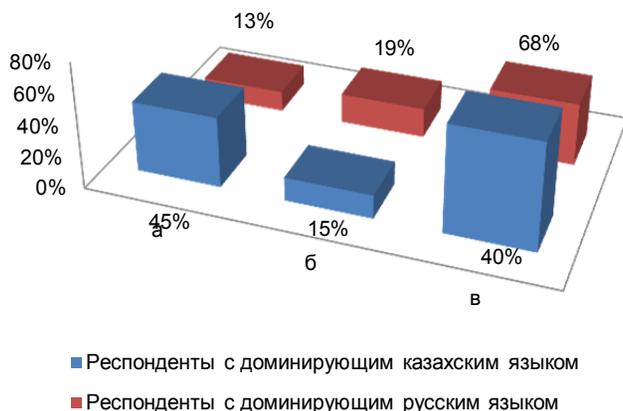

Рис. 5

5. Как, по Вашему мнению, можно расценивать ошибки в структуре слов, в использовании грамматических категорий в речи человека, владеющего двумя / тремя языками:

- препятствие к пониманию звучащей речи;
- свидетельство низкой культуры речи;
- результат влияния родного языка.

Очевидно, что оценка ошибок, допускаемых при неверном использовании грамматических категорий, характерных для того или иного языка, который используется как средство коммуникации в условиях полиязычной среды, несколько различается. Так, респонденты с доминирующим казахским языком в значительно большей степени склонны считать их результатом влияния Я1 (61%), тогда как ответы реципиентов с доминирующим русским языком практически равномерно распределены между тремя предложенными вариантами (рис. 6).

В данном случае очевидно восприятие ошибок, связанных с неверным использованием структурно-грамматических аспектов языка, в основном как совершаемых под влиянием родного языка. Респонденты обеих групп

рассматривают этот ответ как приоритетный (соответственно 61 и 35%). Думается, этот факт подтверждает вывод об общей тенденции толерантного отношения к интерферентным ошибкам, поскольку это достаточно частотный пласт (ср., например, исследование Л.С. Рагимовой о фонетической и грамматической интерференции в русской письменной речи студентов-азербайджанцев [18] и др.)

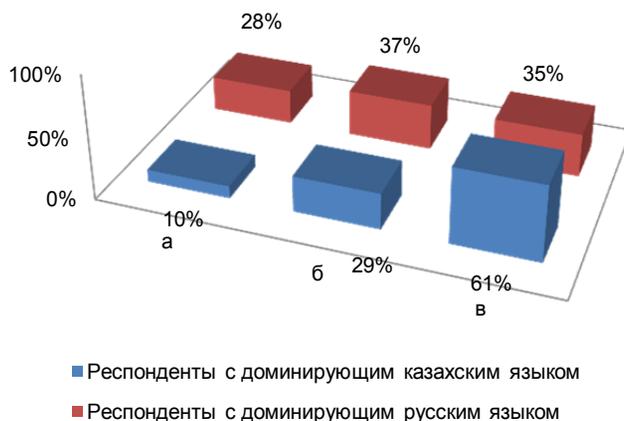

Рис. 6

И наконец, на рис. 7 отражено отношение к неверному либо неточному использованию синтаксических конструкций как результата интерференции:

6. Как, по Вашему мнению, можно расценивать ошибки в построении предложений в речи человека, владеющего двумя / тремя языками:

- а) препятствие к пониманию звучащей речи;
- б) свидетельство низкой культуры речи;
- в) результат влияния родного языка.

Результаты демонстрируют значительное сходство в восприятии таких ошибок: в обеих группах ответ *результат влияния родного языка* характеризуется явным количественным преобладанием (соответственно 58 и 80%).

Как видно из данных, представленных на рис. 4–7, среди респондентов, относящихся к интеллектуальной элите, высок процент осознания того, что ошибки интерферентного характера являются лишь результатом влияния Я1 на Я2 (и, соответственно, Я3); следовательно, высока и толерантность к ошибкам такого рода. Наименее толерантными наши респонденты оказались к интерферентным ошибкам фонетического характера; наибольшая же снисходительность была отмечена в случае неверного использования грамматических категорий. Интересно также, что сравнительно низким во всех случаях оказался процент оценки таких ошибок как коммуникативно-препятствия: лишь ошибки в сочетаемости слов были оценены в большинстве ответов как существенные коммуникативные препятствия, что,

как мы уже указывали, осознается при достаточно высоком уровне владения Я2.

В заключение хотелось бы сказать, что, безусловно, изучение ошибок интерферентного характера, являющихся результатом взаимовлияния языков, которые сосуществуют в одном социальном пространстве, является ключом к их предотвращению, а также расширяет возможности их использования в качестве языковой игры, в качестве социального маркера респондента.

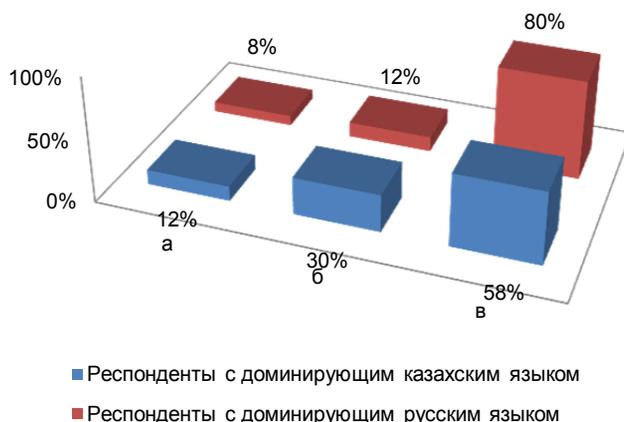

Рис. 7

На наш взгляд, одним из важнейших результатов исследования является репрезентация ошибок интерферентного характера в среде интеллигенции, т.е. национальной элиты, что позволяет выявить специфические характеристики полилингвизма именно на данном уровне сформированности языковых компетенций. Отмечаем также, что в казахстанском обществе достаточно высока толерантность к ошибкам интерферентного характера (о чем свидетельствуют результаты анкетирования). Репрезентативный характер материала обеспечивается достаточным количеством записей звучащей речи, равно как и количеством выявленных ошибок (1200). В то же время, как указывает М.Т. Тезекбаев, «результаты теоретического описания потенциальной интерференции следует подтвердить или опровергнуть в ходе выявленных случаев фактической интерференции, которая должна подвергнуться детальной лингвистической и социолингвистической интерпретации» [19], см. также [20].

В качестве дальнейших перспектив исследования хотелось бы указать на возможность проведения эксперимента с вовлечением в него носителя английского языка в качестве эксперта, который мог бы дать наиболее объективную характеристику ошибок, допускаемых носителями казахского и русского языков при использовании английского языка как компонен-

та формирующегося полилингвального языкового пространства. Говоря о данных явлениях, нельзя не учитывать и высказанное О.И. Уланович предположение о том, что «когда говорят о национально-культурной специфике средств коммуникации, речь идет не о зафиксированных в самих коммуникативных единицах национальных особенностях мышления или поведения, а о специфике психологического наполнения в сознании носителей языка, формируемого за коммуникативными знаками», что также требует дальнейшего детального исследования [21. С. 48].

Литература

1. *Исмакова Б.* Социокультурный аспект обучения русскому языку во взаимосвязи с казахским. Караганда : Изд-во КарГТУ, 2012.
2. *Мечковская Н.Б.* Социальная лингвистика : пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев. 2-е изд., испр. М. : Аспент Пресс, 2000. 197 с.
3. *Щерба Л.В.* Преподавание иностранных языков в средней школе. URL: http://elibr.gnpbu.ru/text/scherba_prepodovanie-inostrannyh-yazykov--shkole_1974/fs,1/ (дата обращения: 10.06.2017).
4. *Словарь социолингвистических терминов / В.А. Кожемякина, Н.Г. Колесник, Т.Б. Крючкова, О.С. Парфенова, Ю.В. Трушкова, при участии А.Н. Биткеевой и М.А. Горячевой ; отв. ред. В.Ю. Михальченко.* М., 2006. 312 с.
5. *Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Смагулова Ж.С., Аканова Д.Х.* Словарь социолингвистических терминов. 2-е изд., доп. и перераб. / отв. ред. Э.Д. Сулейменова. Алматы : Қазақ университеті, 2007.
6. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6: Языковые контакты. URL: <https://classes.ru/grammar/153.new-in-linguistics-6/source/word-documents/7.htm> (дата обращения: 05.07.2018).
7. *Сулейменова Э.Д., Шаймерденова Н.Ж., Аканова Д.* Языки народов Казахстана: Социолингвистический справочник. Алматы, 2007.
8. *Жусупов А.Е.* Билингвизм и полиязычие в Казахстане. URL: http://www.rusnauka.com/42_PRNT_2015/Philologia/2_202460.doc.htm (дата обращения: 07.05.2017).
9. *Ныязбекова К.С.* Формирование двуязычия и многоязычия в Казахстане // Успехи современного естествознания. 2015. № 1. С. 1243–1245.
10. *День языков народа Казахстана: ответственная языковая политика является одним из главных консолидирующих факторов нации.* URL: <http://www.zakon.kz/amp/4577514-den-jazykov-naroda-kazakhstan.html> (дата обращения: 05.07.2018).
11. *Карлинский А.Е.* Методология и парадигмы современной лингвистики. Алматы: КазУМОиМЯ им. Абылай хана, 2009. 220 с.
12. *Государственная программа развития и функционирования языков в Республике Казахстан на 2011–2020 годы.* URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1100000110> (дата обращения: 07.05.2017).
13. *Вайнрайх У.* Языковые контакты. Киев : Изд-во при Киевском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1979. С. 23–76.
14. *Семчинский С.В.* Семантическая интерференция языков. М. : Высш. шк., 1974. 256 с.
15. *Жлуктенко Ю.А.* Лингвистические аспекты двуязычия. М. : Высш. шк., 1974.
16. *Копыленко М.М.* О принципах исследования лексической интерференции // Изв. АН КазССР. Серия филологическая. Алма-Ата, 1983. 67 с.
17. *Харченко И.И.* Интерференция как лингвистическая проблема. URL: <http://www.info-library.com.ua/libs/stattya/884-interferentsija-jak-lingvistichna-problema.html> (дата обращения: 07.05.2017).

18. Рагимова Л.С. Отражение фонетической и грамматической интерференции в русской письменной речи студентов-азербайджанцев и пути её преодоления (на материале именных словосочетаний) : дис. ... канд. пед. наук. Тбилиси, 1983. 230 с.

19. Тезекбаев М.Т. Лексико-семантическая интерференция казахского языка в русской речи билингов. Павлодар : Кереку, 2015. 114 с.

20. Уланова С.А. Обучение студентов-филологов комментированию интерферентных ошибок учащихся национальной школы : дис. ... канд. пед. наук. Саранск, 2006. 210 с. РГБ ОД, 61:06-13/1204

21. Уланович О.А. Языковое сознание: особенности структуры в условиях двуязычия // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 1 (9). С. 44–51.

Interference Errors in the Frame of Subordinate Multilingualism

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 60. 45–65. DOI: 10.17223/19986645/60/4

Leila Yu. Mirzoyeva, Zauresh K. Akhmetzhanova, Suleyman Demirel University (Kaskelen, Kazakhstan). E-mail: leila.mirzoyeva@sdu.edu.kz / zauresh.akhmetzhanova@sdu.edu.kz

Keywords: subordinate bilingualism, interference errors, multilingualism, Kazakh-Russian/Russian-Kazakh bilingualism, pronunciation errors, collocation errors, grammatical errors, syntactical errors.

The aim of this research is to study the specificity of interference errors as a part of multilingual settings in Kazakhstan. Nowadays, bilingualism and multilingualism caused by the multi-ethnicity of Kazakhstan population should be considered as peculiar characteristics of the contemporary language context in Kazakhstan. In this context, the development of a trilingual educational context is treated as one of its main innovative components and presupposes the necessity of identification and prevention of various interference errors. The object under analysis is various types of interference errors (errors in pronunciation, collocation errors, structural errors (use of incorrect word structure or breaking grammar rules), and syntagmatic errors). The material of the research is specific error cases; in total, the authors identified and analyzed 1 200 cases of such errors elicited from texts produced by the respondents (31 057 words in total). In accordance with the objectives of the research, the authors used the research methods of observation of bilinguals' verbal behavior in specific communicative situations; identification and classification of typical errors presupposed by bi-/multilingual settings; analysis of the influence of the errors on communication; specification of typical errors. The authors surveyed 20 people with university degrees whose native language is Kazakh, whose proficiency in Russian was B2 or C1 and in English from A2 to C1, and 25 people with university degrees positioning themselves as native speakers of Russian (regardless of their nationality), their proficiency in Kazakh was B1/B2, and in English, like in the first group, from A2 to C1. As it follows from the survey, the most typical errors for respondents with dominant Kazakh are related to breaking semantic collocations (48% of errors); breaking rules of Russian/English sentence structures (syntagmatic errors) are considered to be typical errors as well (45%); errors in pronunciation (substitution, wrong stressed syllables, etc.) are somewhat less frequent (31%); finally, structural errors occur much more rarely (23%). As for the respondents with dominant Russian, the overwhelming number of errors (58%) was based on the influence of Kazakh/English language grammatical systems, the structure of Kazakh sentences (especially interrogative); the least number of errors is associated with pronunciation (12%). The study of interference errors provides us with perspective approaches and appropriate error-preventing techniques. It also enhances the use of such errors as a kind of a language game and as a social marker of the respondents. In the authors' opinion, one of the most important results of the research is the representation of interference errors in national elite speech patterns. This fact provides new insights into the specific characteristics of multilingualism at the highest levels of language command.

The second important result is related to the high level of “language tolerance” towards interference errors.

References

1. Ismakova, B. (2012) *Sotsiokul'turnyy aspekt obucheniya russkomu yazyku vo vzaimosvyazi s kazakhskim* [Sociocultural Aspect of Teaching the Russian Language in Relation with the Kazakh]. Karaganda: Karaganda State Technical University.
2. Mechkovskaya, N.B. (2000) *Sotsial'naya lingvistika* [Social Linguistics]. 2nd ed. Moscow: Aspent Press.
3. Shcherba, L.V. (1974) *Prepodavanie inostrannykh yazykov v sredney shkole*. [Teaching Foreign Languages in Secondary School]. [Online] Available from: http://elib.gnpbu.ru/text/scherba_prepodavanie-inostrannyh-yazykov--shkole_1974/fs,1/. (Accessed: 10.06.2017).
4. Mikhal'chenko, V.Yu. (ed.) (2006) *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. Moscow: Institute of Linguistics RAS.
5. Suleymenova, E.D. (ed.) (2007) *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov*. [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. 2nd ed. Almaty: Qazaq y'ni'versi'teti.
6. Weinreich, U. (1972) Odnoyazychie i mnogoyazychie [Monolingualism and Polylingualism]. In: Rozentsveig, V.Yu. (ed.) *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics]. 6. Moscow: Progress. [Online] Available from: <https://classes.ru/grammar/153.new-in-linguistics-6/source/word-documents/7.htm>. (Accessed: 05.07.2018).
7. Suleymenova, E.D., Shaymerdenova, N.Zh. & Akanova, D. (2007) *Yazyki narodov Kazakhstana: Sotsiolingvisticheskiy spravochnik* [Languages of the Peoples of Kazakhstan: Sociolinguistic Reference Book]. Almaty: Arman-PV.
8. Zhusupov, A.E. (2015) *Bilingvizm i poliyazychie v Kazakhstane*. [Bilingualism and multilingualism in Kazakhstan]. [Online] Available from: http://www.rusnauka.com/42_PRNT_2015/Philologia/2_202460.doc.htm. (Accessed: 07.05.2017).
9. Nyazbekova, K.S. (2015) Formirovaniye dvuyazychiya i mnogoyazychiya v Kazakhstane [Formation of Bilingualism and Multilingualism in Kazakhstan]. *Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya – Advances in Current Natural Sciences*. 1. pp. 1243–1245. (In Russian).
10. Zakon.kz. (2013) *Den' yazykov naroda Kazakhstana: otvetstvennaya yazykovaya politika yavlyayetsya odnim iz glavnykh konsolidiruyushchikh faktorov natsii* [Languages of the People of Kazakhstan Day: Responsible Language Policy is One of the Main Consolidating Factors of the Nation]. [Online] Available from: <http://www.zakon.kz/amp/4577514-den-jazykov-naroda-kazakhstana.html>. (Accessed: 05.07.2018).
11. Karlinskiy, A.E. (2009) *Metodologiya i paradigmy sovremennoy lingvistiki* [Methodology and Paradigms of Modern Linguistics]. Almaty: Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages.
12. Adilet. (2011) *Gosudarstvennaya programma razvitiya i funktsionirovaniya yazykov v Respublike Kazakhstan na 2011–2020 gody* [The State Program for the Development and Functioning of Languages in the Republic of Kazakhstan for 2011–2020]. [Online] Available from: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/U1100000110>. (Accessed: 07.05.2017).
13. Weinreich, U. (1979) *Yazykovye kontakty. Sostoyaniye i problemy issledovaniya* [Language Contacts. Current State and Problems of Research]. Kiev: Vysshaya shkola.
14. Semchinskiy, S.V. (1974) *Semanticheskaya interferentsiya yazykov* [Semantic Interference of Languages]. Moscow: Vysshaya Shkola.
15. Zhluktenko, Yu.A. (1974) *Lingvisticheskie aspekty dvuyazychiya* [Linguistic Aspects of Bilingualism]. Moscow: Vysshaya Shkola.
16. Kopylenko, M.M. (1983) O printsipakh issledovaniya leksicheskoy interferentsii [On the Principles of the Study of Lexical Interference]. *Izvestiya Akademii nauk Kazakhskoy SSR. Seriya filologicheskaya*. 3.

17. Kharchenko, I.I. (2008) *Interferentsiya kak lingvisticheskaya problema* [Interference as a linguistic problem]. [Online] Available from: <http://www.infolibrary.com.ua/libs/stattya/884-interferentsija-jak-lingvistichna-problema.html>. (Accessed: 07.05.2017).

18. Ragimova, L.S. (1983) *Otazhenie foneticheskoy i grammaticheskoy interferentsii v russkoy pis'mennoy rechi studentov-azerbaydzhantsev i puti ee preodoleniya (na materiale imennykh slovosochetaniy)* [Reflection of Phonetic and Grammatical Interference in Russian Written Speech of Azerbaijani Students and Ways to Overcome it (on the Material of Nominal Phrases)]. Pedagogy Cand. Diss. Tbilisi.

19. Tezekbaev, M.T. (2015) *Leksiko-semanticheskaya interferentsiya kazakhskogo yazyka v russkoy rechi bilingvov* [Lexical and Semantic Interference of the Kazakh Language in Russian Bilingual Speech]. Pavlodar: Kereku.

20. Ulanova, S.A. (2006) *Obuchenie studentov-filologov kommentirovaniyu interferentnykh oshibok uchaschchikhsya natsional'noy shkoly* [Teaching Philology Students to Comment on Interference Errors of National School Students]. Pedagogy Cand. Diss. Saransk.

21. Ulanovich, O.A. (2010) Language awareness: peculiarities of structure in bilingualism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 1 (9). pp. 44–51. (In Russian).